

Вероника Ткачёва

ГРЕБНИ С ЧЁРНЫМИ ДРАКОНАМИ

Серия "Лунный ветер"

Вероника Ткачёва

**Гребни с чёрными драконами.
Серия «Лунный ветер»**

«Издательские решения»

Ткачёва В.

Гребни с чёрными драконами. Серия «Лунный ветер» /
В. Ткачёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856034-7

«Гребни с чёрными драконами» — книга из серии «Лунный ветер». Жанр книги так сразу и не определишь: её герои — обычные люди, они не предвидят событий будущего, не читают чужих мыслей, не лечат наложением рук. Но с ними происходит нечто, выходящее за рамки повседневности. Такое может произойти с каждым. Возможно — и с вами. Нужно только всмотреться внимательнее, чтобы увидеть невидимое, ощутить эфемерное. Быть может, эта книга — ваш пропуск в мир необычного?..

ISBN 978-5-44-856034-7

© Ткачёва В.
© Издательские решения

Содержание

Гребни с чёрными драконами	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гребни с чёрными драконами

Серия «Лунный ветер»

Вероника Ткачёва

Редактор Любовь Бросалина

© Вероника Ткачёва, 2019

ISBN 978-5-4485-6034-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гребни с чёрными драконами

Я не буду писать здесь своего подлинного имени. Пусть меня зовут, например... Лена. Хорошее имя. Обычное. Река ещё такая в Сибири есть. Да, пусть я буду Леной.

Хочу рассказать свою историю. Только не надо думать, что я этакая экзальтированная и неуравновешенная дамочка в вечных поисках трансцендентного. На работе меня считают железной леди без нервов и эмоций. Там я такая и есть. Тем не менее всё рассказанное здесь – правда. От первого до последнего слова. Ну, кроме имени. Имя – моя выдумка. Но имя же неважно. Это ещё Шекспир устами Джульетты своей многострадальной сказал: «Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет». Ну вот и я останусь собой. Пусть и став тёзкой реки...

С детства у нас всё было одинаковое. Сиротское и одинаковое.

Наши родители умерли, когда обе мы были в младенческом возрасте. Мама мгновенно. А папа ещё три дня пролежал в реанимации в коме. Разбились они. На машине.

На воспитание нас взяла троюродная бабушка, баба Катя. Седьмая вода на киселе, конечно. Но ей нас отдали. Детей у неё своих не было. Мужа тоже. Мы из маленького городка. Возможно, в большом каком-нибудь городе ей бы нас и не дали. Но в городишке, который нам достался как место жительства, люди меньше смотрят на формальности, а больше – в глаза друг другу. Наверное, расстояния так влияют. В больших городах много проспектов, шоссе – прямых и длинных. И взгляд невольно тянется куда-то вдаль. Его будто за верёвочку тянут к горизонту. И человек перестаёт видеть то, что у него под носом, – простые радости и горести ближнего. В общем, смотрят и не видят.

Ну, а в маленьком городе сразу понятно, что пусть и троюродная бабушка, а всё-таки она ближе детям, чем приютские няньки.

Баба Катя в нас души не чаяла. Одевала, как кукол. Банты повязывала во всю голову. Мне и сестре. Сестру назовём... пусть Света будет. Реки такой нет. Но не Волгой же её называть.

Светка обожала всё это – банты, рюши, наряды. А я – ненавидела. Ведь роскошное всё равно было сиротским. От своей яркости ещё больше сиротство усиливало. Светка не понимала этого. Радовалась. Гордилась. А я – понимала. Потому что баба Катя билась, чтобы мы не хуже других были. Из последних своих сил билась, чтобы доказать всем, как она нас любит. И жаль бабу Катю ужасно было со всеми этими её непомерными стараниями. А всё потому, что родителям не надо никому доказывать, что они любят своих детей. Если не любят – это всем сразу видно. И данный неприглядный факт вызывает негодование у окружающих – не родители, а ехидны какие-то! А когда любят – это само собой. Это аксиома. Без доказательств принимается. И без восторгов особенных.

А вот бабке троюродной нужно быть даже не родителем, а ещё лучше. Тогда – да, тогда – молодец! Но вот как, например, некоторые действия выполнить ещё лучше?! Как можно водителю приехать ещё более вовремя?! Он может приехать вовремя. А он всегда, к примеру, вовремя приезжает. А ему вдруг надо сделать ещё лучше. Как? Никак. Если он приедет на минуту раньше или позже, то это будет не вовремя, а значит, не лучше. Так же и в любви. Ты просто любишь. Любишь как можешь. И невозможно любить ещё лучше. Как невозможно любить чуточку хуже. И банты и розочки не являются эквивалентом любви. Её можно рассмотреть только сердцем. А если сердце слепо у человека, то что ты ему, слепышу, докажешь/расскажешь/покажешь?!.. Тем более бантами и рюшечками.

В этих бантах виделась мне какая-то бутафория или защитная такая окраска, за которой бабушкин страх: а вдруг отнимут нас, а вдруг не поймут, а вдруг по инстанциям затаскают... Я тогда, конечно, не формулировала именно так, но интуитивно чувствовала во всём этом подвох, подмену, защиту от неведомого врага.

И вот ненавидела я все эти розочки и бантики, но молча носила. Потому как полагалось нам так – получать то, что есть у всех «обычных» детей. Причём одинаковое – для меня и для Светки.

Светка – младше меня. На три минуты. И вылитая я. Все знают, что не обязательно двойняшки бывают близнецами. Всё зависит от количества яйцеклеток. Если их две, тогда каждому своё даётся при рождении. И дети непохожи друг на друга. И разного пола могут быть. А вот если яйцеклетка одна на всех... Тут уж, извините, всем – одинаковое. Вот нам со Светкой досталась одна на двоих яйцеклетка. Со всеми вытекающими.

И эта судьба – делить с ней всё – раздражала меня всегда до невозможности. Мне хотелось своего. Собственного. Своей внешности. Своей одежды. Своих друзей. Но нет! Всё было общим у нас. Даже друзья. (Хотя их-то у нас, положи руку на сердце, и не было.) Даже прыщи у нас в переходном возрасте выскакивали почти одновременно и почти на одних и тех же местах.

Я помню, как меня лет в тринадцать навязчиво преследовало желание – выпить целую бутылку кефира, одной. Не делиться этим несчастным кефиром со Светкой. В меня бы, наверное, и не влезло столько. Но я не думала об этом. Мне хотелось самого факта – целой бутылки для себя. Целой, не половины!

Каким это глупым кажется сейчас. Я бы теперь весь кефир Светке отдала. Да не надо уже...

На семнадцатилетие баба Катя сделала нам со Светкой удивительный подарок: гребни для волос. Старинные. Черепеховые, с чёрными серебряными драконами. Глазами у драконов были красные блестящие камушки. Наверное, рубины. Гребни были абсолютно одинаковые. И абсолютно одинаково злобно на нас таращились две рептилии – в четыре рубиновых глаза. Работа вообще-то была филигранной – каждая чешуйка драконов тщательно проработана, на лапах выделялись каждая морщинка и каждый коготь, в пастьях извивались языки и выстроились рядами хищные зубы. Хвосты драконов были похожи на две острые смертоносные стрелы. Драконы казались живыми, отчего гребни, на мой взгляд, выглядели ещё более зловещими и отталкивающими.

Но глупышка Светка ничего этого не заметила. Она чуть не до потолка прыгала, когда баба Катя подарила нам по гребню, свой сразу воткнула себе в волосы и побежала к зеркалу полюбоваться. Ну глупая и есть...

Гребни лежали в одинаковых, сандалового дерева, коробочках, внутри отделанных потёртым и пыльным на сгибах чёрным бархатом. Коробочки пахли нездешним солнцем, незнакомыми специями и чем-то ещё, неуловимым и тревожащим.

Где баба Катя откопала такие гребни, мы ума не могли приложить. Их точно у неё не было раньше. Потому что её сокровища мы знали наперечёт. Старинный бархатный альбом с жёлтыми старинными же фотографиями внутри, на которых были изображены люди, совершенно незнакомые нам; были даже дамы, одетые по дореволюционной моде – в нелепых тарелкообразных шляпах и длинных платьях прямого кроя, такая мода делала дам похожими на бледных поганок. Ожерелье из речного жемчуга, тоже пожелтевшего от времени. Подвеска – какой-то огранённый зелёный камень, кажущийся бутылочным стеклом и, как мы думали, им и являющийся, вставленный в окислившейся от времени до черноты, а когда-то белый металл, скорее всего, серебро; порванная цепочка из такого же окисленного металла – в довесок к подвеске. И три малюсенькие старинные рюмки под водку из сиреневого дымчатого стекла с золотыми вензельками на боках. Вот и все богатства. Рюмки стояли в серванте родом из семидесятых – коричневом, полированном, параллелепипедно-уродливом. А альбом и прочие сокровища хранились в комодe – родом, возможно, и из девятнадцатого века. Ящики комода, когда их закрывали, словно разговаривали с нами – сначала глухо бухали деревом о дерево, а потом вкусно звякали латунными ручками.

Сокровища лежали в жестяной коробке, произведённой, наверное, в пятидесятых. Коробка когда-то хранила в себе сладкий новогодний подарок: на ней были изображены умопомрачительная кремлёвская ёлка и довольный мальчик в одежде тех лет. Мы с сестрой сотни раз перебирали сокровища, отнимая их друг у друга, споря, кто будет держать или примерять то, а кто это...

Поэтому я уверена, что гребней точно не было. Баба Катя их, наверное, где-то купила. Хотя и купить-то такие старинные вещицы в нашем городе вроде бы негде. Тем не менее она преподнесла их нам с сестрой в день нашего общего рождения. Баба Катя выглядела как-то загадочно, когда дарила нам эти гребни. Что-то было в её глазах, в уголках губ... неуловимое, я до сих пор понять не могу её выражения лица. Возможно, она чувствовала, что эти гребни – не просто антикварные вещицы.

А Светка была счастлива. Я тоже изобразила на лице радость. Но гребни мне сразу не понравились – как только я взяла свой в руки, то почувствовала неприятный толчок в области груди. Почти болезненный. Почти физический. К тому же я поранилась об острый хвост дракона. Не сильно. Но из безымянного пальца правой руки вытекла капелька крови. Я поднесла палец к губам, прикусила подушечку зубами, чтобы вытекла вся кровь, которой суждено вытечь. А потом стала зализывать ранку языком. Этот пустяк ещё больше утвердил меня в ощущении, что гребни несут в себе опасность непонятной – загадочной даже – природы.

Мне кажется, что именно после появления в доме гребней наша и так не очень-то беззаботная и не слишком сытая жизнь стала совсем уж тяжкой и печальной.

Сейчас трудно привести конкретные случаи. Всё происходило на тонком, неуловимом уровне. К примеру, все мы начали больше и тяжелее болеть. Особенно Светка, которая часто носила гребень. Болезни тянулись дольше, чем раньше, и оканчивались неприятными осложнениями. Люди стали нас избегать. Или же напротив – нападать ни с того ни с сего: в магазине, в автобусе, да просто на улице. Из ничего вдруг разгорался скандал – недостойный, склочный, несправедливый. И жертвами были мы со Светкой. Особенно она. Ну и мне доставалось рикошетом.

Всё это я теперь отчётливо понимаю, а тогда во мне жило смутное ощущение: что-то не так, нечто тёмное, страшное вошло, вползло даже и продолжает вползать и располагать свою зловонную тушу в нашей жизни, постепенно заполняя её собой, заменяя доброе и радостное чужеродным и зловещим.

Но потом судьба вдруг поворачивалась к нам светлой стороной, и я говорила себе: нет, показалось, это пустые, глупые домыслы.

Наш ум всегда так действует – словно фокусник, пытается отвлечь внимание от главного, говорит нам: нет-нет, такого не может быть, подумай, этому нет логического объяснения. И ты ему веришь, потому что да, логическое объяснение отсутствует. Но ведь если факт не укладывается в простую логику – это не говорит о том, что чего-то не может быть. Просто из-за ограниченности знания ключевые звенья не входят в логическую цепочку. А ум уверен, что знает всё и обо всём. И, в душе помня об этом, всё равно каждый раз попадаешься – веришь уму, хотя сердце предупреждает о другом...

Первое настоящее несчастье случилось приблизительно через полгода после появления в нашем доме гребней с чёрными драконами – умерла баба Катя.

Она была молчаливой, скупой на эмоции, а иногда странной. Когда она готовила для всех нас привычную простяцкую еду – варила картофельный суп или жарила капусту с сосисками, – казалось, что она ведёт с кем-то диалог. Иногда баба Катя пожимала плечами, качала головой, удивлённо поднимала брови или хмурилась. В общем, было полное ощущение беседы с кем-то, видимым только ей.

Мы порой разыгрывали её – изображали одна другую, пытаюсь выведать главный секрет: кого из нас она больше любит. Так я и не знаю до сих пор ответа на этот вопрос... Но она нас любила.

И мы её – тоже. И только после её смерти я поняла, насколько она была мне родной и дорогой. И то – не сразу. Тогда, в дни похорон, и потом, на сакральные девятый и сороковой, во мне всё будто застыло. Казалось, что и на меня распространилось трупное окоченение. И только потом, постепенно, боль вяжущими горькими каплями стала просачиваться в моё сердце и сознание. Я стала понимать, что значила для меня баба Катя. Бабушка, бабуля...

Поздно. Фатально поздно. И меня мучили воспоминания, как она пыталась обнять меня, погладить по голове, поцеловать в макушку, а я – дикарка такая! – вырывалась или, напрягаясь телом, терпела её неуклюжие, неловкие ласки. Да и где бы ей было научиться изяществу – одинокой, недолюбленной и никем не обласканной женщине?!

После смерти бабушки я стала отчётливее догадываться о воздействии на нашу жизнь гребней с чёрными драконами. Я даже предлагала Светке продать их – с деньгами стало совсем туго, и это был разумный предлог. Но нет! Сестра закатила такую истерику, что я почти пожалела о сказанном. Светка меня упрекнула во всём: начиная от неблагодарности и заканчивая неумением хранить верность памяти умерших. И я сдалась. И оставила эту гадость у нас дома.

А потом мне приснился сон. Яркий. Страшный в своей отчётливости и логичности. Правда, логика была своеобразная, фантастичная, как в каком-нибудь голливудском триллере, но она была. И напротив, не было бессвязности, расплывчатости, перескакивания с пятого на десятое, которые присутствуют в обычных снах. И от этого он казался ещё страшнее.

Мне приснилась бабушка. Она сидела за столом в нашей комнате. Стул стоял боком, так, что бабушкины ноги были не спрятаны под столом, а видны. Бабушка сидела прямо, но довольно расслабленно, положив руки с переплетёнными пальцами на колени. Сквозь окно в комнату лился лунный свет. И весь он, словно прожектор, сконцентрировался на бабушке. Что-то театральное, постановочное было в таком освещении. Бабушка пристально смотрела на меня. Будто ждала, что я проснусь. Мне кажется, что во сне я и проснулась от её взгляда.

Глаза бабушки были огромными, яркими, сияющими – и синющими. Я не помню у неё таких глаз при жизни. И вся она как будто светилась изнутри. Было видно, что ей ТАМ хорошо. Она удостоверилась, что я проснулась. Встала и направилась к комоду. Отчётливо бухнул ящик, жестяно стукнула отпущенная ручка – как обычно, два раза громко, а третий почти неслышно.

Бабушка достала альбом, вернулась к столу, села, убрав ноги под стол, но не развернув стула. Медленно она стала листать коричневые страницы. Я подошла и стала заглядывать ей через плечо. Альбом был наш, но фотографии в нём – незнакомые; современные, а не старинные. Бабушка медленно листала страницы, давая мне разглядеть снимки. Сама она будто и не смотрела. Казалось, что она их все знает. Через несколько страниц я поняла, что на каждой фотографии обязательно присутствует один и тот же молодой человек. Он был не то чтобы красив. Скорее притягателен. На некоторых фотографиях он улыбался. Мне очень понравилась его улыбка – один уголок рта приподнят, а второй сжат и немного опущен, в этом были и скепсис, и ирония, и даже некая застенчивость.

Через какое-то время я поняла, что жадно ищу на всех фотографиях именно его. Как только я это осознала, бабушка резко, с сухим щелчком захлопнула альбом и посмотрела на меня.

Её взгляд снова проник в самые сокровенные мои мысли и чувства. Я ощутила, что она видит и знает обо мне гораздо больше, чем я сама. Мне казалось, что её взгляд длился вечность.

Потом бабушка медленно покачала головой. И ещё раз. Словно повторяя мне какую-то фразу. Мол, нет, не надо, не делай этого, даже не думай... Потом её глаза стали сиять всё ярче и ярче, затмевая собой всё. Вокруг разлился мягкий свет. Он воспринимался как нечто живое.

И от этого было так хорошо! Казалось, что время перестало существовать – всё это длилось мгновение и... вечность. А потом – как будто опять раздался хлопок, как при закрытии альбома. И я проснулась. Было ощущение, что именно он разбудил меня – сухой хлопок страниц из сна.

Комнату заливало мартовское солнце. Стул стоял у стола ровно так, как во сне. Я не помнила, чтобы кто-то из нас так его оставлял. Я даже стала искать глазами альбом, ожидая и его увидеть на том месте, где оставила бабушка. Но альбома не было.

Я встала. И с бьющимся сердцем пошла к комоду, открыла ящик, в котором лежал наш альбом. Взяла его. Заученным жестом погладила старый бархат, который ласково зашекотал ладонь. Затаив дыхание, открыла альбом. Мне казалось, что я увижу в нём фотографии из сна. Я почти верила в это. Но в альбоме были привычные старинные карточки с лицами незнакомых людей. Я выдохнула. Улыбнулась своей суеверности. И стала убирать альбом обратно в ящик.

Боковым зрением я увидела на полу что-то светлое. Наклонилась. От того, что я увидела, меня прошиб холодный пот, из груди в низ живота что-то с болезненным ёканьем рухнуло.

Это была пуговица. Особенная, цвета слоновой кости, с вырезными краями и золотистыми крапинками внутри. Старинная. Таких теперь, наверное, и не делают.

Именно такие пуговицы были пришиты к бабушкиному погребальному платью. Платье бабушка заготовила заранее, года за три до своей смерти – пошила его у какой-то знакомой мастерицы. А пуговицы лежали с совсем давних времён в количестве двенадцати штук, мы со Светкой в детстве любили с ними играть. И все они пошли на то, последнее бабушкино платье...

Ошеломлённая, я стояла с зажатой в кулаке пуговицей даже не знаю сколько времени.

Пока меня не позвала проснувшаяся Светка.

Я взяла жестяную коробку с кремлёвской ёлкой, которая хранилась в том же ящике, что и альбом, быстро положила туда пуговицу и рывком закрыла ящик комода.

– Ты что там ищешь? – спросила заспанная Светка, выходя из другой комнаты.

– Ничего.

Она подозрительно посмотрела на меня. Но зная мой характер – если не хочу говорить, то из меня ничего не вытянешь, – не стала больше задавать вопросов.

Надо сказать, что квартира у нас была двухкомнатная: с маленькой изолированной комнатой и с проходной – побольше. Бабушка занимала проходную, которая днём была нашей гостиной, а ночью становилась её спальней. Спала она на продавленном диване. На нём же она и умерла. Мы со Светкой жили в маленькой, зато отдельной комнате.

Когда бабушки не стало, Светка стала канючить, что ей тесно и пора бы каждой жить в своей комнате, вот только она боится спать на бабушкином диване. И дальше всегда была пауза. Подразумевалось, что на нём должна спать я.

Мне тоже было страшно. Но я же старше. Хоть и на три минуты. Впрочем, своё старшинство я ощущала всегда, а теперь, когда мы остались совсем одни, – особенно. Поэтому по прошествии месяцев двух после смерти бабушки я переехала в комнату, которая звалась у нас большой. Мы всегда так и говорили. Что-нибудь вроде того:

– Ты не видела мой шарф?

– Видела. Ты его в большой комнате оставила.

Хотя какая она большая – пятнадцать квадратных метров. Но по сравнению со второй – девятиметровой – казалась чуть ли не бальным залом.

Я не стала рассказывать Светке о своём сне и о найденной пуговице. Ни в этот день, ни потом. Потому что потом...

Наверное, через неделю после моего сна в нашей жизни появился Олег.

Первой с ним познакомилась Светка.

Нам было почти восемнадцать, и мы учились в школе. В выпускном одиннадцатом классе. Бабушка умерла зимой. Поскольку мы, как я уже говорила, жили в маленьком городке, нас никто не стал опекать, потому что все понимали – нам бы продержаться несколько месяцев, школу окончить, а там уже и совершеннолетие, и возможность работать и заботиться о себе не за горами. Проблема была в том, что сбережений от бабушки осталось – кот наплакал, поэтому пришлось искать работу. Но и школу бросать не хотелось, ведь осталось совсем чуть-чуть до её окончания. Наше сходство позволило нам со Светкой и в школе остаться, и на работу устроиться. Мы по очереди ходили на работу и в школу. Иногда брали больничный и обе шли в школу, чтобы там ничего не заподозрили. Скорее всего, учителя обо всём догадывались, но делали вид, что верят нашим больничным и невнятным оправданиям прогулов.

Да и работа начиналась с часу дня. Так что, если были силы, то вполне можно было успеть на первые уроки в школе, а потом на работу.

А устроились мы вдвоем на одно место официантки в кафе. Оно находилось на другом конце нашего городка. Мы специально выбрали работу подальше, чтобы уменьшить вероятность встречи с кем-то, кто нас хорошо знает. Кафе было маленьким, уютным. Администрация не особенно блюла трудовое законодательство. Трудовую книжку нам не завели, и ограничений по количеству рабочих часов из-за нашего несовершеннолетия не было. Зарплата у нас была такой же, как у двух других официанток. Так что всё сложилось на первый взгляд неплохо.

В тот день я училась, а Светка работала за нас двоих. А вечером она притащила Олега к нам домой. Меня не оставляло чувство, что я его откуда-то знаю. Но в то же время я понимала, что никогда раньше с ним не встречалась.

Ему было около тридцати. Высок и хорошо сложен. Его нельзя было назвать красивым. Но в нём было что-то безусловно притягательное, обволакивающее тебя незаметно, но потом намертво привязывающее к нему.

Сестра уже привязалась. Она смотрела на него осоловелыми глазами. Почти разинув рот. Ну дура душой.

Светка суетилась, пытаясь произвести на Олега впечатление. Затеялась с чаем, хотя у нас к нему ничего не было – даже какого-нибудь завалявшегося сухаря. Сахару-то в стеклянной сахарнице – которая когда-то изображала из себя хрусталь, но потом стекло помутнело и уже никто ничем не обольщался, только сахаром, конечно, – так вот, сахару-то у нас на дне осталось. Да и в жестяной банке, красной с белыми горохами, где у нас всегда хранился чай, его было где-то на треть.

Олег с интересом смотрел на нас обеих. Светка чувствовала это и старалась перетянуть его внимание на себя. Ей казалось, что к концу вечера у неё это получилось. И я видела, что на её лице написаны довольство и удовлетворение. Но боже, как она ошибалась!

Я ловила на себе взгляды Олега. Глаза его лукаво шурились, уголки губ улыбались, ему явно было приятно смотреть на меня. И улыбка была такой знакомой... Я не могла припомнить, у кого я уже видела похожую.

Меня это раздражало – и его явное внимание, и возникший внутри зуд от попыток вспомнить. Вернее не совсем так. Мне льстило внимание Олега. А возможно, даже больше – грело сердце, которое начинало биться сильнее, дыхание слегка перехватывало, будто я очень быстро спускалась на велосипеде с горы и мне в лицо бил сильный свежий ветер. Эти реакции моего тела, независимые от моей воли, раздражали меня. Ведь сестра первая познакомилась с Олегом, поэтому, по неписаному кодексу, которого придерживаются хорошие девочки, хорошие подруги и хорошие сёстры, Олег считался ухажёром Светки. И если только сестра сама от него откажется, тогда... Но отказываться она явно не собиралась. А посему я делала каменное лицо, отводила глаза, всячески старалась показать, что мне неприятно его внимание. Но Олег будто не замечал ничего. И продолжал бросать на меня заинтересованные взгляды.

К концу вечера Светка совсем разошлась и вытащила наши гребни, чтобы зачем-то показать их Олегу. Глаза его при виде ценных вещичек расширились. Но в них была не жадность, а что-то другое, глубинное, непонятное и... пугающее. Может, он сам испугался... Не знаю. Он окаменел на несколько секунд, а потом, словно во сне, потянулся к Светкиному гребню. Взял его в руки. Хищный хвост дракона уколол безымянный палец Олега на правой руке, он вздрогнул и как будто проснулся.

– Чёрт! – незло выругался Олег и поднёс палец ко рту, зубами слегка прикусил подушечку, чтобы вытекла вся кровь, которой следует вытечь, и стал лизывать языком ранку.

Этот его жест был так похож на мой, на Светкин, что в груди у меня разлилось нечто тёплое, бурливое, рвущееся к Олегу.

Но я снова осекла себя. И постаралась сделать равнодушное лицо.

Ранка Олега оказалась неглубокой. Через несколько секунд её и видно не было. Он улыбнулся и сказал:

– Дракон охраняет свою хозяйку от чужих. Давайте-ка посмотрим, как он справляется со своими основными обязанностями.

И стал умело прилаживать Светкин гребень ей в волосы. При этом он ласково-небрежно касался её головы, волос, шеи... Лёгкими скользящими движениями, которые получались у Олега сами собой, не специально. И оттого, что движения эти были не нарочитыми, врождёнными, они становились вдвойне манящими, желанными. Я невольно завидовала сестре, мне хотелось, чтобы это моей кожи, моих волос касался Олег. Как только я уловила эти чувства, сразу внутренне встряхнулась и осекла себя (в который раз за вечер) – мол, так нельзя, что ты!

А Светка совсем поплыла. Она сидела на стуле, спиной к Олегу, лицом ко мне. Олег красиво закрутил Светкины волосы в пучок и плотно закрепил его гребнем. И поверх Светкиной головы посмотрел на меня. В его взгляде было столько манящего... Он словно ласкал меня, словно не Светкиных волос касались его чуткие пальцы, а моих. И его взгляд, который как будто говорил, что моё тайное желание раскрыто, и пугал, и радовал. Сладко заняло внизу живота. В груди всё замерло, затаилось. Стало трудно дышать. Я не знаю, сколько бы это длилось. На счастье, Светка встрепенулась и засуетилась:

– Ой, мне идёт? Где у нас зеркало?

И упорхнула к зеркалу в ванной. И уже оттуда слышался её голос с дурацкими кокетливыми нотками:

– Какая прелесть! Олег, ты прямо стилист!

– У меня сестрёнка младшая, приходилось её причёсывать, мама много работала, вот и научился, – проговорил Олег, повысив голос, чтобы и Светке было слышно.

Говоря всё это, Олег неотрывно смотрел мне в глаза. Зрачки его расширились, мои, наверное, тоже; говорят, такое происходит под действием некоторых наркотиков. А ещё тогда, когда человек смотрит на того, кто ему нравится...

Олег подошёл ко мне, взял за руку и попытался притянуть к себе. Он продолжал смотреть мне в глаза, и я не могла отвести взгляда. Ещё сильнее заняло внизу живота, но усилием воли я смогла взять себя в руки. И сдавленно, насколько смогла холодно, прошипела:

– Пусти!

Губы его дрогнули. Один уголок улыбнулся, поднявшись вверх, а второй чуть сжался. Он словно играл, вернее хуже – он согласился играть в мою игру, как будто я ему продиктовала правила, он с удовольствием принял их и теперь наслаждался этой игрой. Но я не предлагала никаких правил, я ни во что не играла. Скажу больше, я бы предпочла вообще не встречаться с Олегом. Никогда. Потому что уже тогда чувствовала, что нас троих засасывает в какую-то бурную, опасную воронку. Мы пока стоим на краю, но малейшее движение может столкнуть нас туда, в эту бездну. А сейчас ещё есть шанс уцелеть, ещё остаётся возможность сделать шаг назад и отойти от края бездны...

Олег отпустил мою руку.

Тут из ванной вернулась Светка.

Увидела, что Олег стоит около меня. Лицо её вытянулось:

– А что вы тут без меня делали? – как-то глупо-наивно спросила она.

– Плюшками баловались, – раздражённо ответила я и стала собирать со стола посуду.

– Ладно! Мне пора, – вежливо-понимающе сказал Олег.

– Ну, мы на связи, Олег? – засутилась моя дурёха.

– Конечно, – после еле заметной паузы ответил Олег.

– А ты в «ВКонтакте» или на «Фейсбуке»? – не унималась Светка.

– И там и там, – ответил Олег и посмотрел на меня.

– Ну, я тогда там найду тебя. Ты латинскими или русскими буквами? – всё расспрашивала Светка.

– Русскими, – Олег снова посмотрел на меня.

Я изо всех сил прикидывалась веником. Он не выдержал и с особым каким-то смыслом сказал, глядя мне в глаза:

– До свидания, Лена!

– Всего хорошего, – как могла сухо ответила я.

Олег засобирался, и Светка пошла его провожать. Хлопнула входная дверь. Он наконец-то ушёл. И я невольно выдохнула... или вздохнула.

Внутри меня бурлил какой-то суп из эмоций. Вежливое понимание Олега, его взгляды, оставшееся ощущение тепла от его руки на моей коже – всё это рождало в душе нечто трепещущее, которое потом спускалось в живот и там начинало сладко ныть.

Но в то же время я чувствовала и опасность – эту незримую воронку, бездну. А ещё мне была совсем не по душе двойственность нашего положения – Светке явно нравился Олег, он вроде бы был с ней вежлив и галантен, но при этом смотрел и на меня... И я была не на высоте, потому что, как мне казалось, невольно дала повод Олегу *так* на меня смотреть. В общем, на сердце были сумбур и неразбериха.

Чтобы упорядочить хоть что-то, я стала убирать со стола оставшуюся посуду и мыть её.

Светка вернулась на кухню. Некоторое время мы молчали. Потом я стала выговаривать Светке. Что она притащила в дом незнакомого человека, стала ещё ему наши гребни зачем-то показывать, а он вообще непонятно кто, а она уже и душу ему нараспашку... Тут Светка не выдержала.

– Ты сама глаз на него положила, вот и пытаешься про него мне плохое говорить, чтобы самой с ним встречаться! – зло выкрикивала она.

– Ты с ума сошла! Как ты можешь так думать?! Да он мне ни чуточки не интересен! – тоже закричала я, пытаюсь силой лёгких и напором убедить Светку.

Куда там! Всё было бесполезно. Возможно, потому что я сама не была уверена в том, что говорила...

Но самое ужасное, что из самых близких людей мы в этот момент стали превращаться чуть ли не во врагов. В соперниц, что, быть может, ещё страшнее. И в волосах у сестры до сих пор торчал гребень со злобным драконом.

В конце концов я не утерпела.

– Да сними ты его уже! – крикнула я и выдернула гребень из волос Светки.

Её словно облили холодной водой. Она вздрогнула. И как будто чуть протрезвела. Взгляд её прояснился, в нём уже не было столько раздражения и соперничества.

Но всё равно доверие между нами было разрушено. Я почувствовала отчуждение в Светке. Какой-то холод поселился в самой сердцевине её существа.

Она молча выхватила у меня из рук свой гребень. И ушла в свою комнату. При этом демонстративно тщательно прикрыла за собой дверь. Не хлопнула, нет. А аккуратненько так

прикрыла, всем своим видом говоря: я отгораживаюсь от тебя, не смей заходить на мою территорию, и Олег – моя территория. В общем, не влезай! убьёт!

Я вздохнула, но подумала, что утро вечера мудренее, и в лучах солнца всё пройдёт, всё развеется, вечерние недоразумения покажутся смешными и ничтожными. Мы со Светкой и раньше ругались, но ссора не могла длиться долго. Или Светка, или я обязательно делали первый шаг, и всё снова налаживалось.

«Завтра всё будет хорошо!» – думала я, раскладывая диван и расстилая себе постель.

Мои мысли невольно крутились около нашего нового знакомого. И опять сладко зануло в груди.

«И всё-таки, почему Олег выглядит таким знакомым? Его улыбка – один уголок приподнимается, а другой сжат, будто он не даёт себе до конца улыбнуться... Прищур этот мальчишеский... Мы явно не встречались до сих пор. Почему же мне кажется, что я его уже где-то видела?..»

Наконец я легла. Выключила свет. Постепенно мысли стали крутиться около рутинного и повседневного – завтра первого урока не будет, англичанка заболела, правда, на втором обещали контрольную устроить... завтра мы успеем обе и контрольную написать, и на работу пойти, завтра как раз моя очередь идти работать... напишет ли Светка контрольную?.. она что-то много пропустила в последнее время...

Внезапно на границе дрёмы и яви в моём сознании чётко и ясно появилась картинка из давешнего сна – бабушка листает альбом с фотографиями, на которых я ищу одного и того же человека. И этот человек – Олег!

Меня прямо подбросило на диване. Словно разряд электрический через меня пропустили. Сон как рукой сняло. Я лежала и широко открытыми глазами смотрела в темноту. А потом вспомнила бабушкино предупреждение-предостережение-запрет – как она качала головой – «Не надо! не делай этого!» И я наконец поняла, откуда во мне рождалось это подсознательное ощущение опасности, засасывающей воронки, бездны.

Долго мне не спалось в ту ночь. То я ёжилась под одеялом от озноба, то раскутывалась от внезапно охватывавшего меня жара. Подушка казалась неудобной, пружины дивана как никогда хищно и жестоко впивались в бока. К утру я заснула с твёрдым решением не впускать Олега в нашу жизнь.

Но разговора, который я планировала, наутро не получилось. Вернее он получился, но совсем не такой, как мне бы хотелось.

Часть бессонной ночи и утра я пыталась составить речь, с доказательствами и аргументами, которые убедили бы Светку, что с Олегом встречаться больше не надо. Но у меня это плохо выходило. Да и что я могла предъявить в качестве доказательства – свой сон?

Пока я целое утро мучительно пыталась начать разговор, Светка это сделала за меня. За завтраком она заявила, что в школу теперь буду ходить я, а она будет работать. Она, мол, так решила. Стала подводить теорию:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.